

## ЗООМОРФНАЯ МЕТАФОРА В РУССКОЙ НАРОДНОЙ ЗАГАДКЕ

© Найля Файзуллина, Хан Сывэнь

### ZOOMORPHIC METAPHOR IN A RUSSIAN FOLK RIDDLE

Nailya Faizullina, Hang Siwen

Metaphor is a unique phenomenon both from the point of view of language and culture, for it preserves unique relic forms of the surrounding reality perception. At present, when modern conditions of people's lives are transformed, metaphor, as a way of realization of hidden comparison, undergoes a number of qualitative changes. In this regard, it will be relevant to turn to metaphor functioning in folklore texts, because due to its conservatism we can identify archetypal images underlying the hidden comparison. This article examines the features of zoomorphic metaphor in Russian folk riddles. The zoomorphic code is interesting for us, since the images of animals, actualized through metaphor, allow identifying national values. In riddles containing images of animals, there is a certain similarity between the image of the animal and the denotat in question; accordingly, this similarity is reflected in the metaphor, usually through a description of the action and appearance of the animal. Analyzing metaphor in the Russian folk riddle, we identify zoomorphic codes, which retain archetypal coding, expressed in the context of the whole riddle and in its correspondence to mythological ideas about the given animal. In this case, we are talking about the image of a horse, a bull. At the same time, the corpus of folk riddles reveals such zoomorphic metaphorical formations, which do not show any connection with archetypal coding. Thus, the image of a bear is deprived of mythological subtext and is used only as a means of secondary nomination of the denotation.

*Keywords:* zoomorphic metaphor, image of a horse, image of a bear, image of a bull, secondary nomination, folk riddle, folklore

Метафора представляет собой уникальное явление с точки зрения языка и культуры, потому что в ней сохраняются неповторимые реликтовые формы восприятия окружающей действительности. В настоящее время метафора как способ реализации скрытого сравнения претерпевает ряд качественных изменений, поскольку трансформируются современные условия жизни людей. В данной связи актуальным будет обращение к метафоре, функционирующей в фольклорных текстах, поскольку благодаря своей консервативности мы можем выявлять архетипичные образы, положенные в основу скрытого сравнения. В данной статье рассматриваются особенности зооморфной метафоры в русских народных загадках. Обращение к зооморфному коду представляется для нас интересным, поскольку актуализируемые через метафору образы животных позволяют выявить национальные ценности. В загадках, содержащих образы животных, существует определенное сходство между образом животного и денотата, о котором идет речь, и это сходство отражается в метафоре, обычно через описание действия и внешнего вида животного. В ходе анализа метафоры в русской народной загадке авторы выявляют зооморфные коды, которые сохраняют архетипичную кодировку, что выражается и в контексте всей загадки, и соответствии мифологическим представлениям о данном животном. В данном случае речь идет об образе коня, быка. В то же время в корпусе народных загадок выявлены такие зооморфные метафорические образования, которые не проявляют связи с архетипичными кодировками. Так, образ медведя лишен мифологического подтекста и используется лишь как средство вторичной номинации денотата.

*Ключевые слова:* зооморфная метафора, образ коня, образ медведя, образ быка, вторичная номинация, народная загадка, фольклор

*Для цитирования:* Файзуллина Н., Хан Сывэнь Зооморфная метафора в русской народной загадке // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. №3 (73). С. 76–80. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-73-3-76-80

Сложность и в то же время простота формирования и применения метафоры привлекали к себе внимание исследователей из различных научных сфер. В настоящее время имеются науч-

ные труды, посвященные не только эволюции метафоры как многоаспектного образования, заключающего в себе стык языка и логики [1], но и современному функционированию метафоры, что обусловлено требованиями современного мира [2]. Важно подчеркнуть, что многие исследователи отмечают универсальность метафоры, ее вневременной характер: «Метафора – универсальное явление в языке. Ее универсальность проявляется в пространстве и во времени, в структуре языка и функционировании» [1, с. 11]. Кроме того, метафора, по мнению А. П. Чудинова, «необычайно динамична, она понятна только „здесь и сейчас“ ... и вместе с тем она согласована с основными понятиями данной культуры» [2, с. 11].

Тезис о динамичности метафоры и ее обязательной включенности в контекст определенной культуры заставил нас задаться вопросом об особенностях функционирования метафоры в рамках фольклорного текста, в частности народной загадки. Обращение к энигматическому жанру связано с тем, что для его природы характерна замена наименования одного предмета другим наименованием, что имеет много общего с процессом метафоризации в целом. Более того, интерес к выбранному объекту исследования стимулирован и наличием следующего положения: «существует точка зрения, что в метафорах сохраняются пережитки нерасчлененного смутного первобытного мышления человека, связывают метафорические переносы с недифференцированными понятиями, с генетически ранними этапами эволюции мышления» [1, с. 12]. Данный тезис находит свое подтверждение и в работах отечественных лингвокультурологов: «Жизнь каждого народа протекает в только ему присущей природной и историко-культурной (материальной и духовной) реальности, и на этом основании в образы ... попадают те вещи, явления, имена людей и т. п., которые характерны для жизни данного народа» [3, с. 90].

Целью настоящего исследования является анализ русских народных загадок с зооморфной метафорой. Обращение к зооморфной метафоре связано с тем, что животные, актуализированные в фольклорном тексте, часто аккумулируют в себе определенные национальные стереотипы, представления об устройстве мира: «...паремиологические единицы, представляющие вербально-стереотипный способ регулирования человеческого поведения, могут рассматриваться как национально-традиционная форма проявления наблюдательности, назидательности, рефлексивности в человеческом обществе» [4, с. 82]. Более того, с точки зрения когнитивного ис-

следования языка, зооморфная метафора представляет собой уникальное образование, которое зафиксировало в своей внутренней форме возможность наделения неодушевленного предмета признаками живого существа и наоборот [5], [6].

С целью проведения исследования нами была осуществлена выборка текстов народных загадок, представленных в различных сборниках народной мудрости. В результате работы с отобранными загадками мы установили, что довольно часто в русской народной загадке фигурирует образ коня. Данный факт мы связываем с национальными культурными особенностями, что, по мнению Н. В. Шестеркиной, связано с реликтовыми формами восприятия окружающего пространства, а также необходимостью табуирования некоторых живых и неживых предметов [7, с. 177]. Кроме того, обращение архаичного человека к образу животного во многом обусловлено логикой его мышления и бытовавшим на тот момент мифологическим сознанием человека: «Роль животных в мифологии чрезвычайно велика и определяется тем исключительным значением, которое они имели на ранней стадии развития человечества, когда люди еще не выделяли себя из ряда живых существ и не противопоставляли себя природе» [8, с. 252].

Довольно часто в энигматическом тексте встречается образ коня: *Есть на свете конь, всему свету не сдержать* (ветер); *Конь бежит, земля дрожит* (гром); *Братцева коня не поймать* (ветер) [9, с. 296]. Мы рассматриваем приведенные загадки в первую очередь, поскольку, по нашему мнению, содержание их отражает общую индоевропейскую традицию, а также особенности славянской культуры, в рамках которой небесные светила, ветер, гром, гроза воспринимались как результат жизнедеятельности древних богов. Так, по наблюдениям Е. В. Мадлевской, «в разных местностях ветер мог представляться мальчиком, мужчиной, а также всадником и конем» [8, с. 188]. Приведенное положение свидетельствует о том, что архаичное сознание представляло ветер как некое одушевленное существо, способное перемещаться самостоятельно, что мы и видим в загадке. В таком случае мы можем говорить о мотивированности выбора вторичной номинации.

Мотивированным видится и ввод образа коня в загадку о громе (здесь актуализируются общие индоевропейские представления о создании мира): первый гром часто ассоциировался с «началом нового лета, земледельческого года» [10, с. 560].

Однако стоит отметить, что не все загадки, включающие зооморфную метафору, предпола-

гают столь глубокую актуализацию «отрывков» мифопоэтического сознания архаичного человека. Так, в загадке *Маленький конек все озеро вылил* (дым) [9, с. 32] ввод антиденотата видится, с одной стороны, не вполне мотивированным; но с другой – «стихия огня осознавалась как опасная сила, несущая разрушение и смерть» [8, с. 180], и тогда во взаимодействии с ней могло вступить только существо, обладающее сверхспособностями, например, конь.

Косвенно с огнем связана и загадка про кочергу: *Черный конь прыгает в огонь* (кочерга) [9, с. 54]. Мы полагаем, что обращение к образу коня вновь обусловлено народными мифопоэтическими представлениями, согласно которым конь может являться и воплощением Бога Перуна, что значит, может взаимодействовать со стихией огня.

Интересными с точки зрения трансформации смыслов и реализации идеи интертекстуальности выглядят следующие загадки о колоколе и производимом им звоне: *Заржал жеребец на Сионской горе, слышала кобыла на сырой земле* (колокол и звон) [9, с. 159]. Как было отмечено нами выше, образ коня и других крупнокопытных животных воспринимался как олицетворение грома или Бога Перуна, о чем свидетельствуют и соответствующие загадки: *Кобыла заржет на турецкой горе, жеребец откликнется на Сионской горе* (гром) [Там же, с. 301]; *... по полю ржет, а везде слышно* (гром) [Там же, с. 159]; *Сивый жеребец на все царство ржет* (гром) [Там же, с. 159]. Ключевым мотивом во всех приведенных текстах и их вариациях является сильное акустическое воздействие и его значительный масштаб распространения. Данный мотив был переложен на другое акустическое явление – распространение колокольного звона. Мы полагаем, что подобная аллюзия связана с логикой мышления архаичного человека, его стремлением найти аналогии в постигаемом мире. Примечательным является в данном случае не только сопоставление мотивов, но и сопоставление образов, реализующих заявленные мотивы.

Мы убеждены, что обращение к подобного рода метафоре и затем аллюзии обусловлено как минимум культурными представлениями о повадках животных, об их образе жизни. Возможно, трансляция информации через образ животного связана и с попыткой соблюсти некоторые логические установки, нормы передачи информации: «Передача информации затрудняется, если говорящий отклоняется от нормы. Естественно предположить, что чем сильнее отклонение, тем меньше информации передается. Усложнённая форма затрудняет восприятие, но зато даже

небольшой объем информации, преподнесенный в сложной форме, требует большего времени на обработку, чем тот же объем в стандартной форме» [11, с. 35]. Исходя из предложенного тезиса, мы можем заключить, что трансляция информации через образ животного, действительно, является «нормативной» для мышления древнего человека, мыслящего довольно примитивными категориями: «При характеристике некоторых животных указываются прототипические свойства (функции), то есть имеющиеся в национальном менталитете наиболее общие представления о характерных свойствах данного концепта» [2, с. 75].

Мотив распространения акустического воздействия обнаруживаем и в загадке о мельнице: *Затопали кони на Ивановском поле, зарычал медведь на Кирилловском* (мельница) [9, с. 167]. В данном случае распространение физического действия связывается с работой сложного механизма мельницы, где загадывающий пытается выделить причинно-следственную связь между явлениями. Как можем заметить, действие сложного механизма кодируется при помощи образов животных, причем животные не позиционируются как представители одного класса. Более того, мы видим их разное местоположение, что может свидетельствовать о том, что для большей части населения работа мельницы могла восприниматься как работа отдельных ее звеньев, что не предполагало в сознании человека целостного представления о сложном механизме работы мельницы, где взаимозависимым является определенный набор физических действий.

Примечательным в данной загадке является включение эвфемизма *медведь*, что может свидетельствовать о факте разрушения некоторого коллективного верования или же о намеренной деэвфемизации образа животного. Положение о возможной деэвфемизации подтверждается и нетипичным местоположением животного: медведь в славянской мифологии является жителем леса, его стражем и практически не описывается вне данного локуса, что мы наблюдаем в загадке.

В целом следует отметить, что зооморфная метафора актуализируется в русской загадке часто с целью гиперболизации определенного признака чаще всего неживого предмета. Основанием метафоризации в таком случае может выступать размер денотата и общепринятое восприятие размеров определенного животного. Так, бык является довольно крупным животным, с которым связано большое количество обрядовых действий, что в качестве аллюзий мы находим и в тексте народной загадки: *Промеж гор-печор лежит бык печен, в брюхе мак толчен, в боку*

нож вострен (каравай) [9, с. 80]. В то же время нами был обнаружен ряд загадок, в которых включение зооморфного кода не предполагает не только мифологических аллюзий, но и вычленения какого-либо сходства между денотатом и вводимым образом животного: *Бык железный, а хвост льняной* (игла с ниткой); *Чугунный бык с мочальным хвостом* (игла с ниткой) [9, с. 99].

Таким образом, приведенные выше иллюстрации доказывают, что народная загадка вскрывает определенные логические паттерны восприятия окружающего пространства, окружающих предметов. Часто эти паттерны реализуются посредством скрытого сравнения, то есть метафоры. Метафоризации довольно часто подвергаются денотаты посредством зооморфного национального кода. В ходе исследования мы пришли к выводу, что зооморфный код часто реализуется при помощи культурно значимых животных, причем ввод образа животного может вести за собой и косвенное указание на мифические верования, ритуалы, связанные с его образом. В то же время в ряде загадок наблюдается разрушение данного мифологического сопровождения, поскольку зооморфный код может никак не соотноситься с загаданным предметом. В таком случае загадывающему просто важно подчеркнуть активность денотата, его способность выполнять определенные действия. Выявленный факт позволяет говорить о том, что загадки создавались в разное время: более ранние загадки еще содержат в себе элементы мифологических верований; загадки более позднего периода отличаются отсутствием данной мифологической составляющей.

#### Список источников

1. Телия В. Н. Вторичная номинация и ее виды // Языковая номинация: виды наименований. М.: Наука, 1977. С. 129–221.
2. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000): Урал. Гос. Пед. Ун-т. Екатеринбург, 2001. 238 с.
3. Ковшова М. Л. Культурно-национальная специфика фразеологизмов и вопросы экспликации их культурных смыслов // Вопросы психолингвистики. 2016. Т. 4. № 30. С. 90–101.
4. Кулькова М. А., Галимуллина Р. И. Когнитивно-дискурсивное изучение паремнологических единиц с компонентом-зоонимом в английском и русском языках // Вестник ТГГПУ. 2015. № 3 (41). С. 82–88.
5. Фаттахова Н. Н., Файзуллина Н. И., Муба-ракишина А. М. Категоризация как результат национального фокуса внимания // Когнитивные исследования языка. 2020. № 2 (41). С. 980–983.
6. Faizullina N.I., Zamaletdinov R.R., Fattakhova N.N. Metaphor analysis as a secondary nomination source // Journal of Research in Applied Linguistics. 2020. 11. Special Issue. Pp. 82–89.
7. Шестеркина Н. В. «Следы» язычества в русских народных загадках // Вестник Тамбовского университета. Серия. Гуманитарные науки. 2009. № 10 (76). С. 176–185.
8. Русская мифология // Сост. Е. Мадлевская. СПб.: Мидгард, 2005. 778 с.
9. Садовников Д. Н. Загадки русского народа: Сборник загадок, вопросов, притч и задач // сост. Д. Н. Садовников. М.: Современный писатель, 1995. 400 с.
10. Славянские древности. Этнолингвистический словарь // под ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995. Т. 1. 560 с.
11. Бочавер С. Ю. Язык без границ // Лингвофутуризм. Взгляд языка в будущее / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Издательство «Индрик», 2011. С. 31–36.

#### References

1. Teliya, V. N. (1977). *Vtorichnaya nominatsiya i ee vidy* [The Second Nomination and Its Types]. *Yazykovaya nominatsiya: vidy nominovaniy*. Pp. 129–221. Moscow, Nauka. (In Russian)
2. Chudinov, A. P. (2001). *Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory (1991–2000)* [Russia in the Metaphorical Mirror: A Cognitive Study of Political Metaphors (1991–2000)]. Ural. Gos. ped. universitet. 238 p. Yekaterinburg. (In Russian)
3. Kovshova, M. L. (2016). *Kul'turno-natsional'naya spetsifika frazeologizmov i voprosy eksplikatsii kih kul'turnykh smyslov* [Cultural and National Specificity of Phraseological Expressions and Issues of Explication of Their Cultural Meanings]. *Voprosy psikholingvistiki*, Vol. 4, No. 30, pp. 90–101. (In Russian)
4. Kulkova, M. A., Galimullina, R. I. (2015). *Kognitivno-diskursivnoe izuchenie paremiologicheskikh edinit s komponentom-zoonimom v angliiskom i russkom yazykakh*. [Cognitive and Discursive Study of Paremiological Units with the Component-Zoonym in the English and Russian Languages]. *Vestnik TSHPU*. No. 3 (41), pp. 82–88. (In Russian)
5. Fattakhova, N. N., Fayzullina, N. I., Mubarakshina, A. M. (2020). *Kategorizatsiya kak rezul'tat natsional'nogo fokusa vnimaniya*. [Categorization as a Result of the National Focus of Attention]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka*. No. 2 (41), pp. 980–983. (In Russian)
6. Faizullina, N. I., Zamaletdinov, R. R., Fattakhova, N. N. (2020). Metaphor Analysis as a Secondary Nomination Source. *Journal of Research in Applied Linguistics*. 11. Special Issue, pp. 82–89. (In English)
7. Shesterkina, N. V. (2009). *“Sledy” yazychestva v russkikh narodnykh zagadkakh* [“Traces” of Paganism in Russian Folk Riddles]. *Vestnik Tambovskogo*

universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. No. 10 (76), pp. 76–185. (In Russian)

8. *Russkaya mifologiya* (2005) [Russian Mythology]. Sost. E. Madlevskaya. 778 p. St. Petersburg, Midgard. (In Russian)

9. Sadovnikov, D. N. (1995). *Zagadki russkogo naroda: Sbornik zagadok, voprosov, pritch i zadach*. [Riddles of the Russian People: A Collection of Riddles, Questions, Parables and Problems]. Sost. Sadovnikov. 400 p. Moscow, Sovremenniy pisatel'. (In Russian)

10. *Slavyanskije drevnosti. Etnolingvističeskij slovar'* (1995) [Slavic Antiquities. Ethnolinguistic Dictionary]. Pod red. N. I. Tolstogo. Vol. 1, 560 p. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya. (In Russian)

11. Bochver, S. Y. (2011). *Jazyk bez granits* [Language without Borders]. Lingvofuturism. Vzgljad yazyka v budushchee. Otv. red. N. D. Arutyunova. Pp. 31–36. Moscow, Indrike Publishing House. (In Russian)

The article was submitted on 26.04.2023

Поступила в редакцию 26.04.2023

**Файзуллина Найля Ивановна,**  
доктор филологических наук,  
доцент,  
Казанский федеральный университет,  
420008, Россия, Казань,  
Кремлевская, 18.  
nelya7@mail.ru

**Хан Сывэнь,**  
аспирант,  
Казанский федеральный университет,  
420008, Россия, Казань,  
Кремлевская, 18.  
hangsiwen@gmail.com

**Faizullina Nailya Ivanovna,**  
Doctor of Philology,  
Associate Professor,  
Kazan Federal University,  
18 Kremlyovskaya Str.,  
Kazan, 420008, Russian Federation.  
nelya7@mail.ru

**Hang Siwen,**  
graduate student,  
Kazan Federal University,  
18 Kremlyovskaya Str.,  
Kazan, 420008, Russian Federation.  
hangsiwen@gmail.com